

УДК 304.444
ББК Ю6/87.6

Людмила Николаевна Чайка,
соискатель,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: liudmila-chaika999@mail.ru

Тема детства и детского здоровья в отечественной социально-философской мысли

Отношение к детям и старикам – это главный показатель уровня социального и культурного развития общества. Необходимость теоретического осмысления проблемы культивирования в общественном сознании современных россиян детства и детского здоровья как ценности определяется сложной социально-экономической и демографической ситуацией в стране, усугубляющейся набирающим силу духовно-нравственным кризисом.

Важными аспектами изучения русскими мыслителями детства и детского здоровья являются: сакрализация детства, творческий потенциал детства, детство как особый мир, детский возраст как своеобразный социальный и культурный феномен. Автор приходит к выводам о необходимости защиты детского здоровья не только со стороны окружающих ребёнка взрослых, но и со стороны общества и государства, важнейшей функцией которых является защита безопасности детства, то есть предотвращение или хотя бы минимизация факторов и ситуаций, содержащих в себе угрозы для жизни и здоровья ребёнка.

Метод анализа литературного текста, используемый автором при обращении к произведениям русской классической литературы, в которых представлена тема детства и детского здоровья, позволяет рассматривать выбранные литературные сюжеты как репрезентирующие социокультурную действительность, выявить интересные культурно-исторические ассоциации, раскрыть динамичный характер восприятия детства и проблемы безопасности ребёнка в мире.

Автор статьи указывает на феномен детства как изменчивое и подвижное общественное явление.

Ключевые слова: детство, детский возраст, здоровье ребёнка, безопасность детства, безопасность детского здоровья, сакрализация детства, творчество.

Lyudmila Nikolaevna Chayka,
Doctoral Candidate,
Transbaikal State University
(ul. Aleksandro-Zavodskaya 30, Chita, 672039 Russia),
e-mail: liudmila-chaika999@mail.ru

Childhood and Children's Health Issues in Russian Social and Philosophical Thought

Attitude to children and the elderly people reveals the level of social and cultural development of society. There is a need for theoretical understanding of childhood and children's health as a value in contemporary Russian social consciousness due to complicated social, economic, and demographic situation in the country, intensified by moral crisis.

Analysis of childhood and children's health issues in Russian human science scope results in the following important issues: sacralization of childhood, creative potential of children, childhood as a special world, and childhood as a kind of social and cultural phenomenon. The author concludes that there is a need to protect children's health not only by the adults around but also by the society and the state, whose most important function is children's safety, prevention or at least minimization of the threatening factors and situations.

The author uses the method of literary text analysis to Russian classical literary works, represented the childhood and children's health theme. The method helps to reveal social and cultural reality represented in chosen literary topics, remarkable cultural and historical associations, and dynamic nature of childhood and children's safety issues in the world.

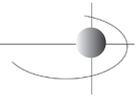
The author considers childhood as a changeable and lively social phenomenon.

Keywords: childhood, child's health, childhood safety, sacralization of childhood, creativity.

В истории существовало несколько типов отношения к детям: от инфантицида в первобытном обществе и бытовавшего вплоть до Нового времени отношения к ребёнку как к подручному материалу, из которого можно лепить что угодно, изменять и преобразовывать детскую природу в соответствии с требу-

емым образом – до гуманистической педагогики XX в.

Интересно рассмотреть, как складывались традиции отношения к детству в России. Ещё в XVI–XVII вв. оно было достаточно специфическим: с детьми нельзя было играть и смеяться, взрослым предписывалось обра-

щаться с ними строго и даже жёстко, именно такие родители считались благочестивыми. Права детей были сведены к минимуму, точнее дети не имели никаких прав. За принесённый ущерб родителям их казнили, а вот пожаловаться на родителей за жестокое обращение дети не имели права. Родители за убийство ребёнка наказывались одним годом тюрьмы. Жестокие нравы в отношении детей стали смягчаться лишь с конца XVII в., когда в России стали распространяться идеи гуманизма и Просвещения.

В развитии русской научной и философской мысли XIX–XX вв. тема детства занимает видное место. Отечественными мыслителями освящены самые разные аспекты этой темы: сакрализация детства (В. В. Зеньковский, С. Н. Булгаков, В. В. Розанов); творческий потенциал детства (Л. Н. Толстой, В. С. Библер, В. Л. Рабинович, К. И. Чуковский); детство как особый мир (И. С. Кон); детский возраст как своеобразный социальный и культурный феномен (Д. И. Фельдштейн); здоровье ребёнка и безопасность детства (М. В. Ломоносов, Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, А. П. Чехов, В. В. Вересаев, А. И. Куприн, М. А. Горький, М. А. Шолохов, Ф. К. Сологуб, М. А. Булгаков и др.).

Некоторые русские религиозные мыслители рассматривали детство как проявление святости. В. В. Зеньковский, С. Н. Булгаков, В. В. Розанов соизмеряют образ ребёнка с образом Младенца Христа. «Есть что-то ангельское во всяком ребёнке; лучи высшей красоты исходят от детей, и это делает детство идеалом человека» – так описывал ангельскую природу детей Зеньковский [4, с. 291]. Исследуя данную тему, религиозный мыслитель обращается к сотериологическому толкованию детского состояния души: «Слова Христа – не можем мы войти в Царство Божие, если не станем как дети – имеют тот смысл, что мы снова должны достигнуть того душевного строя, в котором господство принадлежало бы внеэмпирическому центру личности», то есть через познание особого духовного состояния, взрослый человек имеет возможность познать особую благодать Божию [4, с. 291]. Таким образом, детство рассматривается мыслителем как состояние души, максимально приближенное к пониманию и восприятию Бога.

Сакрализация детства присутствует также в творчестве С. Н. Булгакова. Он пишет о способности детей проявлять Божественную силу и твёрдость духа в своей детской слабости: «Немощь ребёнка в сем мире сви-

детельствует о мощи его в Царстве Небесном, мирская беспомощность – о помощи Божией, зависимость – о высшей свободе, неразумность – о высшей мудрости. Отсюда и природная невинность ребёнка, обременённого порой единственно лишь всечеловеческим грехом» [2, с. 47].

В. В. Розанов, затрагивая в своих работах тему детской святости и сакральности детства, делает вывод, что человеческий младенец содержит в себе духовный свет Христа-Младенца: «Младенец имеет положительное в себе, т. е. в нём есть не только отсутствие греха, но и присутствие святости. И в самом деле, не замечали ли вы, что дом, в который вы входите, – когда он не имеет детей, – мрачен и тёмно, именно духовно тёмно, а с играющими в нём детьми – как будто чем-то светится, именно духовно светится?» [8, с. 162]. Розанов вопрошает о чувствах, которые вызывает каждый младенец в душе взрослого человека. И сам же отвечает на поставленный вопрос: «Дом потому светится детьми, что он ими освящается, санкционируется в бытии своём, в труде своём, в своих заботах... Младенец и в нас пробуждает чувство этих только что им оставленных миров, коих свежесть, яркость, а также и святость он несёт на губах своих» [8, с. 162]. По убеждению философа ребёнок является посредником между небесным и земным, своего рода «весами святости на земле», тем, кто может измерить человеческую добродетель только лишь своим присутствием.

Сродни святости дар творчества, который некоторые отечественные авторы рассматривали как атрибут детского возраста.

Л. Н. Толстой подчёркивал, насколько велик опыт детской жизни, особенно опыт, приобретённый в младенчестве: «От пятилетнего ребёнка до меня – только шаг. От новорождённого до пятилетнего – страшное расстояние. От зародыша до новорождённого – пучина. А от несуществования до зародыша отделяет уже не пучина, а непостижимость» [17, с. 62]. Весь этот путь Толстой оценивает как великий творческий прорыв. Он рассуждает о жизненных приобретениях и тех расстояниях, которые отдаляют взрослого индивида от момента, когда он ещё не существовал. Толстого удивляет скорость, с которой младенец учится, и объём знаний, который он приобретает, будучи ребёнком. Ибо за всю последующую жизнь невозможно приобрести и одной сотой тех знаний и навыков, что каждый из нас приобретает в детстве. А взрослая жизнь, констатирует мыслитель факт, строится на

тех знаниях, которые человек приобретал до отрочества [17].

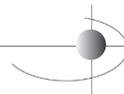
В. С. Библер, акцентируя внимание на детском любопытстве, сопоставляет его с логикой современной культуры взрослого мира. Как научился ребёнок для себя открывать мир в начале своего бытия, насколько творческим был подход к открытию, начиная с первых звуков, слов, фраз, в таком мире он и останется на всю свою жизнь: «Это странное бытие в мире-до-мира, мышление в замыслах мысли быть мыслью, речь, впервые (из) обретающая свой язык» [1, с. 34]. Творческий потенциал детства, по мнению Библера, является залогом творчески активной и творчески успешной взрослой жизни.

В. Л. Рабинович, осмысливая «чудо-дитя» с «ясными глазами» и «расчудесное» детское творчество как культуротворчество, удивляется: «И всё это – ребёнок. Дитя ясноглазое, удивлённое собственной – лишь помысленной дерзостью (бог шести дней творения); потрясённый словом “кошка”, так похожим на самоё кошку; и далее – лепит лепет, наживая опыт (какой-никакой); восхищённый вещами мира как мира впервые и в сей же миг вознамерившийся запечатлеть всё это – как вижу и что вижу, то и рисую; или: как слышу, так и говорю (лопочу, лепечу, топочу-хлопочу). Рисую-малюю, забудаю-буровлю, собираю-забудаю, журчу-бормочу, калякомаляю, бумагомараю...» [7, с. 120]. Подобие Богу, по мнению Рабиновича, даёт ребёнку возможность стирания границ, существующих для взрослых. Для младенца нет границ! Но его творческое развитие, да и будущее маленького человека зависит от тех взрослых людей, которые находятся рядом. Почему мало в обществе новых созидательных путей – задаётся вопросом учёный? Не потому, что их нет, а потому, что современное общество не готово принимать эти новые пути развития культуры. Настоящему нужно творческое переосмысление бытия, того мира, в котором живём. Перед взрослым лежит ответственность за ребёнка-творца: «Поскольку новорождённый не имеет своей (самостоятельно освоенной) перспективы “домашнего мира” и только последовательный социальный генезис может сделать из него носителя некоторой культурно-исторической топики, в начале своей жизни человек находится как бы на границе внешнего и внутреннего горизонтов, на границе своего и чужого, выступая пограничной, переходной фигурой... в том трансцендентальном смысле, что свойственная ему неопределённость горизонта, уникальная

наивность непредвзятого бытия к миру является условием возможности нового учреждения мира как связанного поля значений. Переход и есть такое учреждение и тем самым – понятие, выражающее трансцендентальный смысл бытия ребёнка, выступающего на этом основании в культуре взрослых парадигмой творческого отношения к миру и собственной самости» [7].

Не перестаёт восхищаться творческим потенциалом ребёнка К. И. Чуковский. О «причудливых закономерностях» детской психики и детского мышления, о поэтически-творческом характере детского языка он много и интересно пишет в книге «От двух до пяти»: «Ребёнок порою самостоятельно приходит к тем формам, которые создавались народом в течение многих веков. Чудесно овладевает детский ум методами, приёмами, формами народного словотворчества, ещё не изучая ни языка, ни литературы, неосознанно с помощью необыкновенного детского чутья рождаются удивительные стихотворные формы» [19, с. 112].

Как особый мир рассматривает детство советский и российский философ, антрополог и социолог И. С. Кон. Исследуя данный феномен как часть социокультурной реальности, он активно использует антропологические знания и подходы. По мнению Кона, детство – это «племя», имеющее свою собственную культуру, язык, традиции, которые являются в основе своей игровыми. Он первым подошёл к исследованию детства с позиции равных, то есть как к самостоятельному, активному и самосознательному субъекту жизнедеятельности, а не как к объекту определённых внешних воздействий (воспитания, социализации и т. д.). Используя термин «племя», Кон как бы подчёркивает, что детская культура может существовать без письменности и содержать в себе много элементов, совершенно непонятных взрослым, но весьма существенных для общения и жизни детей [5]. Исследование феномена детства как особенной фазы человеческой жизни И. С. Коном с позиции её социокультурной самобытности, с опорой на фундамент историко-антропологических данных позволяет учёному сделать выводы не только о влиянии элементов воспитательных практик и культуры на степень детской социализации, но и выявить закономерности развития новой культуры (субкультуры) детства. В советское время учёный оказался одним из новаторов в изучении таких категорий, как детство и юность, в рассмотрении этих возрастных этапов с учётом условий современ-

ной социально-исторической действительности, а также в научном анализе перспектив возникновения причин и механизмов деформации образа детства [5].

Как своеобразный социальный и культурный феномен рассматривает детский возраст советский и российский педагог и психолог Д. И. Фельдштейн, который является автором концепции социально-нормативной периодизации формирования личности. Он выделяет психологические основы формирования нравственных качеств детей. Заостряет внимание на аксиологических характеристиках детства и проблеме детского самоопределения. Исследуя детство, Фельдштейн указывает на факторы, влияющие на современное детство, прогнозирует перспективы и пути его дальнейшего развития. Он не только называет обстоятельства, влияющие на изменения личностных качеств современных детей, к которым относит ориентацию общества на потребление, рост девиаций, маргинализацию, но и прогнозирует влияние данных факторов на развитие различных зависимостей у детей и подростков и повышение уровня их агрессивности и тревожности.

При достаточно широком освещении темы детства в российском социогуманитарном знании, проблемы, связанные со здоровьем ребёнка и безопасностью детства, оказываются представленными значительно уже, хотя уязвимость детей, их незащищённость от жестокости, равнодушия или невежества взрослых были и остаются болезненными и, к сожалению, по сей день нерешёнными проблемами нашего общества.

В России впервые говорить и писать о безопасности детского здоровья и жизни, о том, что эти проблемы должны быть объектом внимания государства и общества, стали в XVIII в. Например, М. В. Ломоносов в своей работе писал о необходимости принимать государственные меры в отношении высокой детской заболеваемости и смертности. По словам учёного, это наносит огромный ущерб благополучию России, а «величество, могущество и богатство всего Государства» заключается «не в обширности тщетной без обитателей», а в «сохранении и размножении российского народа». Учёный указывает на конкретные обстоятельства того, что дети в современной ему России становятся жертвами негуманного отношения к ним со стороны взрослых: ранние браки, когда в супружество принуждают вступать детей («малых ребят, к супружеству неспособных, женят на девках взрослых», «когда мужчина в преста-

релых годах женится на очень молодой девушке»); раздоры в семье («несогласия, споры и драки вредят плоду зачатому и нередко бывают причиною безвременному и незрелому рождению»); жестокое обращение и детоубийства («детское душегубство»), низкий уровень жизни и медицины, грубые суеверия и др. Необходимыми условиями изменения этой ситуации Ломоносов считает повышение образованности населения, всеобщее улучшение нравов, а также развитие в России научной медицины и фармацевтики.

В трудах мыслителей XVIII в. Н. И. Новикова и А. Н. Радищева также указывается на необходимость государственной охраны детского здоровья и безопасности детства. В XVIII в. в России зарождается педиатрия – детская медицина. Хотя датой рождения этой отрасли медицины считают 1802 г. (открытие первой детской больницы в Париже), вопросы, связанные с организацией помощи детям, особенностями протекания детских болезней, их лечения и ухода за детьми, правилами гигиены матери и ребёнка, русские учёные-медики стали поднимать ещё в конце XVIII столетия. Назовём такие имена: С. Г. Зыбелин, Н. М. Максимович-Амбодик и др. В XIX в. русскую педиатрию развивали Н. Ф. Филатов, С. Ф. Хотовицкий, В. М. Флоринский, Н. А. Тольский, К. А. Раухфус, Н. И. Быстров и др. Первая русская больница для детей была открыта в Петербурге в 1834 г. – она была третьей в Европе после Парижа и Вены. Первая в Европе больница для грудных детей была создана также в Петербурге. Интересен и факт, что обязательное преподавание педиатрии на медицинских факультетах впервые в мире было введено в России. В советский период забота о детском здоровье и безопасности детства впервые в мире официально была провозглашена государственным делом.

Медицину как сферу безопасности детства описывали русские писатели XIX – начала XX в. В произведениях русской классической литературы можно встретить сюжеты и даже целые произведения, посвящённые проблемам детской безопасности, здоровья/болезни детей, детской смертности. Писатели, которые, так или иначе, рассматривали эту тематику, – А. П. Чехов, В. В. Вересаев, А. И. Куприн, М. А. Горький, М. А. Шолохов, Ф. К. Сологуб, М. А. Булгаков и др.

В. В. Вересаев, принадлежащий к блестящей плеяде писателей-врачей, в книге «Записки врача» приводит несколько эпизодов, связанных с лечением детей. В одном из

них автор повествует о гибели единственного ребёнка прачки-вдовы. Трагедия случилась из-за того, что молодой врач неправильно назначил лечение [14]. В другом сюжете Вересаев описывает случай, когда пятилетнего мальчика, больного брюшным тифом, мать потребовала срочно выписать из больницы из страха, что ребёнка будут анатомировать. Дежурный врач удовлетворил просьбу матери, а по дороге домой ребёнок скончался. Автор как бы ставит вопрос о правомерности действий врача по отношению к больному ребёнку и ставит вопрос: а имеет ли право на ошибку врач? Ведь результатом этой ошибки является либо спасение жизни ребёнка, либо его гибель. Но причиной смерти ребёнка является не только ошибка медика, но и невежество матери, на это писатель также указывает.

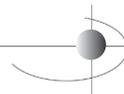
В произведениях А. П. Чехова явно просматривается социальная позиция по отношению к проблеме детства и детской безопасности. Он описывает условия жизни, которые обрекают детей на нищету и вымирание; общество, допускающее эксплуатацию детского труда. Рассказы писателя о детях проникнуты протестом, но он не явный и не звучит революционно, как например у Горького, – с призывом к борьбе против существующего порядка. Свои гуманистические идеалы Чехов выражает художественно-эстетическими средствами имплицитно: «Особенность Чехова как писателя в том, что он никогда не указывает на конкретные недостатки общества, а очень живо изображает его в конкретных образах, каждый из которых очень реалистичен и в то же время представляет собой социальный типаж. Чехов описывает симптоматику социального недуга и предлагает читателям самим поставить диагноз и сделать выводы» [18, с. 183–184]. Отражая всю гамму тех чувств и эмоций, яркостью которых передаётся мера человеческих взаимоотношений взрослых и детей того времени, Антон Павлович раскрывает смысл и ценность детей.

В рассказе «Беглец» Чехов описывает эмоциональное состояние заболевшего деревенского парнишки Пашки, который попадает в лечебницу. Попав туда, ничего, кроме тяжёлой жизни, деревенской грязи и бедности ранее не видевший, ребёнок уже не думает о своей болячке, он ощущает себя словно в другом мире – интересном и красивом: «Шёл он и, разинув рот, глядел по сторонам. Лестница, полы и косяки – всё громадное, прямое и яркое – были выкрашены в великолепную жёлтую краску и издавали вкусный запах постного масла. Всюду висели лампы,

тянулись половики, торчали в стенах медные краны. Но больше всего Пашке понравилась кровать, на которую его посадили, и серое шершавое одеяло. Он потрогал руками подушки и одеяло, оглядел палату и решил, что доктору живётся очень недурно» [18, с. 42]. Мальчишка мечтает, чтобы его такого «нарядного», одетого во всё больничное увидели деревенские друзья: «Его воображение нарисовало, как мать посылает его на огород к реке нарвать для поросенка капустных листьев; он идёт, а мальчишки и девчонки окружили его и с завистью глядят на его халатик» [18, с. 44]. Затем страх одиночества в чужом помещении выгоняет мальчика в страшную ночь к тёмным кустам и белым могильным крестам. В этой ситуации врача он воспринимает как защитника, который обязательно спасёт от всего страшного, таящегося в ночи и неизвестности: «Пашка взбежал на ступени, взглянул в окно, и острая, захватывающая радость вдруг овладела им. В окно он увидел весёлого, покладистого доктора, который сидел за столом и читал книгу. Смеясь от счастья, Пашка протянул к знакомому лицу руки...» [18, с. 44]. Мальчик испытывает страх и ужас, находясь первую ночь в больнице, но в докторе он видит своего светлого защитника и покровителя, который избавит его от страданий.

В творчестве Чехова много произведений и сюжетов, посвящённых детям, которые страдают от жестокого или невнимательного отношения к ним взрослых, совершенно незащищённых от тех социальных условий, в которых они живут, болеют и умирают.

К проблеме здоровья и безопасности детства обращено и творчество А. И. Куприна («Слон», «Чудесный доктор»). Так же, как и Чехова, его глубоко волновала тема взаимоотношений двух миров – мира «больших» и мира «маленьких». Но в отличие от Чехова Куприн более оптимистичен. Судьбы его больных детей в руках Творца. Прототипом «чудесного доктора» был великий русский врач Николай Иванович Пирогов. Как явление святого воспринимает приход этого доктора в семью спасённый им мальчик Гриша Мерцалов: «С этих пор точно благодетельный ангел снизошёл в нашу семью. Всё переменялось. В начале января отец отыскал место, Машутка встала на ноги, меня с братом удалось пристроить в гимназию на казённый счёт. Просто чудо совершил этот святой человек. А мы нашего чудесного доктора только раз видели с тех пор – это когда его перевозили мёртвого в его собственное имение Вишню. Да и то не его видели, потому что-то

великое, мощное и святое, что жило и горело в чудесном докторе при его жизни, угасло невозвратно» [16, с. 289–296]. В своих произведениях Куприн предлагает читателю мысль, крайне интересную как с точки зрения социальной этики и педагогики, так и гуманистической медицины: пренебрежение детскими желаниями и страданиями делает детей наиболее уязвимыми к болезням и другим несчастьям. Писатель как бы подсказывает нам ценный для решения проблемы безопасности детства рецепт: порой для излечения больного ребёнка и детского счастья достаточно внимательного отношения к нему взрослых.

М. А. Булгаков в рассказе «Стальное горло» повествует об умирающей от дифтерийного крупа трёхлетней девочке, которую спасает молодой доктор и несколько деревенских медработников. Героизм медиков состоит в том, что ребёнка пришлось силой отнять у матери и бабушки, сопротивляющихся профессиональному лечению и безнадежно запустивших болезнь ребёнка из суеверного страха и малограмотности.

Советские писатели также поднимали тему детства и детской безопасности в своих произведениях. А. М. Горький, повествуя о своём герое Алёше в повести «Детство», знакомит читателя с жизнью, наполненной трудностями и непомерными для ребёнка испытаниями. Жестокие законы и своеобразные нравы купеческой среды воспитывали маленького героя. Алёша оказался свидетелем смертей многих своих близких: отца, братьев Максима и Саши, юноши Цыганка. Большое впечатление на него производит рассказ его бабушки о том, как умирали и погибали её маленькие дети, что выжили и достигли взрослости на самом деле лишь немногие из рождённых ею сыновей и дочерей. По этим реалистичным сюжетам повести можно судить об уровне детской смертности в России XIX в. и о том, насколько буднично относились к этому взрослые.

Оставшись без родителей, Алёша рос в семье, где дрались, враждовали, в детском обществе жестоко издевались над более слабыми и т. д. За одну из провинностей разозлившийся дед наказал Алёшу, избив его розгами чуть не до смерти. Алёша долго болел после побоев, а рядом с ним была его бабушка, кажется, единственная, кто жалел мальчика. Она помогает ему сохранить свет добра в душе, чтобы затем он смог пронести его через всю жизнь.

Горький рассматривает ребёнка как полноценного человека, требующего к себе внимания и уважения – это соответствует гума-

нистическим традициям русской литературы и педагогики. Он также повествует и о том, что описанные им угнетатели и мучители детей не могут понять и принять такое отношение к ребёнку, так как сами росли и воспитывались в жестоких условиях. Болезни, смерти, физические и душевные страдания из-за невежества и нежелания взрослых менять что-то в своём отношении к жизни преследуют маленьких героев Горького [15].

М. А. Шолохов довольно реалистично описывает судьбы и страдания детей в годы революции и войн – гражданской и Великой Отечественной. Сюжеты его рассказов ужасают: умирающие от голода и гниющие от болезни дети, взрослые, доведённые голодом и страданиями до состояния, когда уже не могут быть защитниками своих детей, а становятся их палачами. Так, в рассказе Микшара «Семейный человек» отец большого и нищенствующего семейства убивает своих сыновей Ивана и Данилу, оправдывая своё преступление спасением других детей. Сами оставшиеся в живых дети не прощают отцу такого спасения [20].

Шолохов раскрывает для нас тему детства предельно конкретно, воссоздавая ту атмосферу, которая окружала ребёнка. А слёзы и страдания шолоховских детей можно сравнить со слезами и страданиями России. Он повествует о детях, родившихся в начале двадцатого века, которые вместе со своей страной разделили беды и горести тяжёлых лет, которые росли в голоде, холоде и разрухе.

Реконструкция исторического образа ребёнка, запечатлённого в произведениях русской литературы, философский анализ которых вскрывает динамичный характер восприятия детства, безопасности ребёнка в мире, позволяет рассматривать феномен детства как изменчивое и подвижное общественное явление.

Русские и советские писатели, философы, педагоги, врачи обращались к теме детства, необходимости его защиты не только со стороны взрослых, окружающих ребёнка, но и со стороны государства. Проблема эффективной реализации государственных мер, направленных на защиту детства и детского здоровья, на предупреждение ситуаций, способных лишить ребёнка жизни или причинить вред его здоровью, по-прежнему остаётся актуальной как для нашей страны, так и для всего мира. Ребёнок и его здоровье является не только мерилем нравственного потенциала в социуме, но и критерием, которым измеряется благополучие того или иного общества в целом.

Список литературы

1. Библер В. С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. М.: Русское феноменологическое общество. 1997. С. 52–53.
2. Булгаков С. Н. Свет Невечерний: созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 414 с.
3. Засухина В. Н. Аксиология жизни как основа биоэтики в России: дис. ... д-ра филос. наук. Чита: Забайкал. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2012. 471 с.
4. Зеньковский В. В. прот. Педагогика // Христианская жизнь. Клин, 2002. С. 290–291.
5. Кон И. С. Ребёнок и общество: учеб. пособие. М.: Академия, 2003. 336 с.
6. Ломоносов М. В. О размножении и сохранении российского народа // Ломоносов М. В. Размышление о причине теплоты и холода; Л. Эйлеру. Из «Древней российской истории». О размножении и сохранении российского народа и др. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 59–92.
7. Рабинович В. Л. Каляка-маляка Седьмого дня // Языки культур: Взаимодействия / М-во культуры РФ; Рос. ин-т культурологии: сб. науч. тр. М., 2002. 214 с.
8. Розанов В. В. Метафизика христианства. М.: АСГ, 2000. 856 с.
9. Фельдштейн Д. И. Приоритетные направления психолого-педагогических исследований в условиях значимых изменений ребёнка и ситуации его развития // Бюлл. Высш. аттест. комиссии; Мин. обр. и науки РФ. 2010. № 4. С. 20–22.
10. Фельдштейн Д. И. Современное Детство: проблемы и пути их решения // Вестн. практич. психол. 2009. № 2. С. 28–32.
11. Философский словарь / под общ. ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика. 2001. 719 с.
12. Щитцова Т. В. Memento nasci: Сообщество и генеративный опыт. Штудии по экзистенциальной антропологии. Вильнюс: Европ. гуманит. ун-т. 2006. 384 с.

Источники

13. Булгаков М. А. Записки юного врача (цикл) // М. А. Булгаков. Повести и рассказы. М.: Дрофа, 2003. С. 278–354
14. Вересаев В. В. Записки врача. На японской войне. М.: Правда, 1986. 560 с.
15. Горький М. Детство. СПб.: Азбука-классика, 2005. 224 с.
16. Куприн А. И. Чудесный доктор // А. И. Куприн. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1981. С. 289–296.
17. Толстой Л. Н. Детство. Юношеские опыты // Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1928–1958. 425 с.
18. Чехов А. П. Беглец // А. П. Чехов. Рассказы. М.: Зебра Е, 2009.
19. Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 2: От двух до пяти. М.: Терра – Книжный клуб. 2001. 448 с.
20. Шолохов М. Донские рассказы. Ростов: Ростов. кн. изд-во, 1986. 222 с.

References

1. Bibler V. S. Na granyakh logiki kul'tury. Kniga izbrannykh ocherkov. M.: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo. 1997. S. 52–53.
2. Bulgakov S. N. Svet Nevechernii: sozertsaniya i umozreniya. M.: Respublika, 1994. 414 s.
3. Zasukhina V. N. Aksiologiya zhizni kak osnova bioetiki v Rossii: dis. ... d-ra filos. nauk. Chita: Zabaikal. gos. un-t im. N. G. Chernyshevskogo, 2012. 471 s.
4. Zen'kovskii V. V. prot. Pedagogika // Khristianskaya zhizn'. Klin, 2002. S. 290–291.
5. Kon I. S. Rebenok i obshchestvo: ucheb. posobie. M.: Akademiya, 2003. 336 s.
6. Lomonosov M. V. O razmnozhenii i sokhranении rossiiskogo naroda // Lomonosov M. V. Razmyshlenie o prichine teploty i kholoda; L. Eileru. Iz «Drevnei rossiiskoi istorii». O razmnozhenii i sokhranении rossiiskogo naroda i dr. M.: Direkt-Media, 2008. S. 59–92.
7. Rabinovich V. L. Kalyaka-malyaka Sed'mogo dnya // Yazyki kul'tur: Vzaimodeistviya / M-vo kul'tury RF; Ros. in-t kul'turologii: sb. nauch. tr. M., 2002. 214 s.
8. Rozanov V. V. Metafizika khristianstva. M.: ASG, 2000. 856 s.
9. Fel'dshtein D. I. Prioritetnye napravleniya psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniy v usloviyakh znachimyykh izmeneniiy rebenka i situatsii ego razvitiya // Byull. Vyssh. attest. komissii; Min. obr. i nauki RF. 2010. № 4. S. 20–22.
10. Fel'dshtein D. I. Sovremennoe Detstvo: problemy i puti ikh resheniya // Vestn. praktich. psikhol. 2009. № 2. S. 28–32.
11. Filosofskii slovar' / pod obshch. red. I. T. Frolova. 7-e izd., pererab. i dop. M.: Respublika. 2001. 719 s.
12. Shchittsova T. V. Memento nasci: Soobshchestvo i generativnyi opyt. Shtudii po ekzistsentsial'noi antropologii. Vil'nyus: Evrop. gumanit. un-t. 2006. 384 s.

Istochniki

13. Bulgakov M. A. Zapiski yunogo vracha (tsikl) // M. A. Bulgakov. Povesti i rasskazy. M.: Drofa, 2003. S. 278–354
14. Veresaev V. V. Zapiski vracha. Na yaponskoi voine. M.: Pravda, 1986. 560 s.
15. Gor'kii M. Detstvo. SPb.: Azbuka-klassika, 2005. 224 s.
16. Kuprin A. I. Chudesnyi doktor // A. I. Kuprin. Sochineniya: v 2 t. T. 1. Povesti i rasskazy. M.: Khudozh. lit., 1981. S. 289–296.
17. Tolstoi L. N. Detstvo. Yunosheskie opyty // Poln. sobr. soch.: v 90 t. T. 1. M.: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1928–1958. 425 s.
18. Chekhov A. P. Beglets // A. P. Chekhov. Rasskazy. M.: Zebra E, 2009.
19. Chukovskii K. I. Sbranie sochinenii: v 15 t. T. 2: Ot dvukh do pyati. M.: Terra – Knizhnyi klub. 2001. 448 s.
20. Sholokhov M. Donskie rasskazy. Rostov: Rostov. kn. izd-vo, 1986. 222 s.

Библиографическое описание статьи

Чайка Л. Н. Тема детства и детского здоровья в отечественной социально-философской мысли // Гуманитарный вектор. Сер. Философия. Культурология. 2016. Т. 11, № 2. С. 30–36.

Reference to article

Chayka L. N. Childhood and Children's Health Issues in Russian Social and Philosophical Thought // Humanitarian Vector. Series Philosophy. Cultural Studies. 2016. Vol. 11, No 2. P. 30–36.

Статья поступила в редакцию 28.01.2016